

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го октября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9822.

СИЛУЭТЫ.

На рекѣ.

Вечеръ. Золотисто-розовое небо отразилось въ водѣ реки. Свѣжій вѣтеръ гонитъ мелкія волны. Пустынно и тихо... Сѣрѣеть мокрый песокъ на берегу, и плещеть вода, розовая отъ зари.

Въ вечерней тишинѣ чудится умирание. Въ немъ есть особая чарующая прелестъ. Потухая и вновь вспыхивая, смѣняются тоны и настроенія окружающаго; загораются все новые, все неожиданныя краски, какъ будто весь воздухъ пронизанъ ихъ трепетными сочетаніями.

Кругомъ горятъ послѣдніе напряженно страстные поцѣлуи солнца... До утра, до новаго дня!

Онъ цѣлый вечеръ проходилъ на обрывистомъ берегу: писалъ этюдъ. Жадно, почти не отрывая глазъ, ловилъ онъ прощальные тоны дня.

Красота чувствуетъся непосредственно и безсознательно... Хорошо отдаваться ей, какъ матери, въ объятья. Забыться, уйти отъ себя, раствориться, какъ соль, въ ея безграничности... Отрывочно несутся мысли, легкія и воздушныя, какъ розовая облачка на закатномъ небѣ.

Хорошо... Жизнь, какъ рѣка, какъ свѣтъ... Этюдъ почти законченъ — еще два, три пятна — и можно сложить кисти.

Съ чувствомъ удовлетворенія, немного откинувшись, смотрѣть онъ на полотно. Эффектны свѣтовыя отраженія — искры въ темнѣющихъ тонахъ лѣса и берега.

Внизу, по лѣсной просекѣ пронеслось звонкое ржанье, и застучали колеса.

— Вѣроятно, къ парому спѣшать — подумалъ онъ.

Такъ и есть. Стукъ замолкъ.

Не торопясь, уложилъ онъ кисти и холстъ и пошелъ.

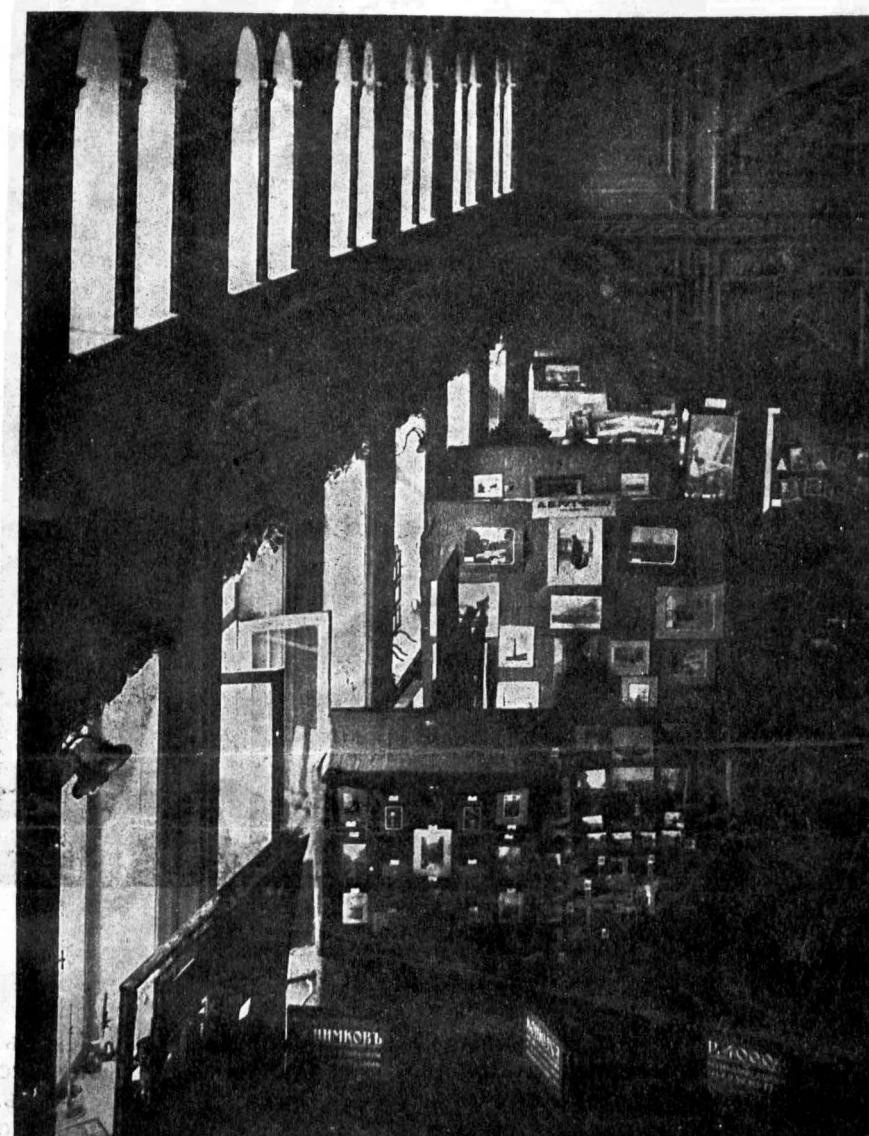
Вдругъ чуткій воздухъ вздрогнулъ и внимательно заколыхался... Надъ гладью реки повисъ долгій протяжный крикъ:

— Подай паромъ!

Эхо повторило на томъ берегу просьбу, и снова все затихло.

— Какъ же быть? Никто не отзыается — спросилъ молодой и свѣжій женскій голосъ.

— Еще погукаемъ! — въ тонъ ему отвѣтилъ мужской, и опять воздухъ



Фотографическая выставка въ Харьковѣ.

Когда вскочилъ въ лодку и оттолкнулся отъ берега, то почувствовалъ, что онъ немного смѣшился со своей услугливостью. Вотъ они стоять тамъ и смыются надъ нимъ... Вѣра и ея мужъ... Вѣра замужемъ! Такъ странно...

Когда то онъ считалъ ее своей... Когда то... Почему же теперь эта неожиданная встрѣча на рекѣ произвела на него такое впечатлѣніе? Кто онъ, ея мужъ? Какъ она живетъ? Быстро вспыхивали въ умѣ вопросы и гасли, какъ свѣтъ въ водѣ... Она счастлива — вѣроятно. Она когда то такъ любила мечтать о жизни вдали отъ городскихъ мѣзмовъ, о близости къ природѣ... Очевидно, мужъ ея помѣщикъ... Здѣсь кругомъ одни помѣстя.

Когда онъ пригналъ паромъ, они благодарили... она очень мило улыбалась.

Вы у кого здѣсь живете? — спросилъ мужъ Вѣры.

— А мы туда и ёдемъ. Усадивайтесь съ нами: веселѣе будетъ.

Конечно, онъ согласился...

Потянули паромъ обратно.

Вечернее небо потухло.

Быстро и легко сбѣжалъ онъ съ обрыва къ рекѣ.

Они съ удивленіемъ повернулись къ нему и ждали.

— Паромщикъ нѣтъ, они въ селѣ, но я вамъ помогу перѣѣхать — у меня здѣсь лодка, — сказалъ онъ. Слегка приподнялъ шляпу и поклонился ей.

— Вы, вѣроятно, не узнали меня, Вѣра Александровна?

Въ ея глазахъ отразилось изумленіе и растерянность.

— Правда, невѣроятно? Вы удивлены?

— Я вѣсть узнала! — сказала она.

— Только это такъ неожиданно... Какими судьбами попали въ наши края?

Она уже успокоилась и, пожимая ему руку, попѣшила представить его своему спутнику.

— Мой мужъ!

Молча поклонились другъ другу.

— Я здѣсь случайно встрѣтился съ товарищемъ и рѣшилъ къ нему заѣхать. Но вамъ тоже нужноѣхать — засмѣялся онъ.

— Я пригоню паромъ скоро!

Когда вскочилъ въ лодку и оттолкнулся отъ берега, то почувствовалъ, что онъ немного смѣшился со своей услугливостью. Вотъ они стоять тамъ и смыются надъ нимъ... Вѣра и ея мужъ... Вѣра замужемъ! Такъ странно...

Когда то онъ считалъ ее своей... Когда то... Почему же теперь эта неожиданная встрѣча на рекѣ произвела на него такое впечатлѣніе? Кто онъ, ея мужъ? Какъ она живетъ? Быстро вспыхивали въ умѣ вопросы и гасли, какъ свѣтъ въ водѣ... Она счастлива — вѣроятно. Она когда то такъ любила мечтать о жизни вдали отъ городскихъ мѣзмовъ, о близости къ природѣ... Очевидно, мужъ ея помѣщикъ... Здѣсь кругомъ одни помѣстя.

Когда онъ пригналъ паромъ, они благодарили... она очень мило улыбалась.

Вы у кого здѣсь живете? — спросилъ мужъ Вѣры.

— А мы туда и ёдемъ. Усадивайтесь съ нами: веселѣе будетъ.

Конечно, онъ согласился...

Потянули паромъ обратно.

Вечернее небо потухло.

Было очень приятно сидеть за чаем и вспоминать прошлое.

Хозяйка и Вера часто отрывали от этого, и тогда действительность заглядывала в глаза неумолимо откровенно.

— Как вы живете? — задала вопрос Вера.

— По прежнему... Без руля и без ветриль. А вы... счастливы?

Самому показалось странным: конечно, да!

Столько светла и покоя в ее открытом взгляде, в спокойных движениях, в самом выражении голоса.

— Вы сами как думаете? — отвела она тоже вопросом, и в ее голосе послышалось что-то знакомое, прежнее.

Как в глубь реки упали искры света... Всё, это было так недавно, так близко!

Были особые дни, полные незабываемых переживаний, была жуткая тайна в каждом наступающем мгновении... В это время он узнал ее, Веру.

Молодая и опьяняющая жажда подвигов и победы слились в его представлении с мильм и ласковым голосом, с теплой улыбкой ее, Веры.

Когда он сидел в тюрьме, она приходила к нему...

— Невестой.

Это было так весело, так трогательно, что он часто забывал, где правда и где ложь, и почти верил, что Вера его любит. Потом они разстались — невольно, но ее голос и улыбки сопровождали его в далекий путь... Так обещают розовые сны розовую действительность молодости.

Все это невольно, властно вставало в его памяти, и в груди что-то ныло. Было больно и приятно.

— Я ничего не слышал о вас с тихих самых пор, как мы разстались.

— А я вам несколько раз писала, хотела напомнить о себе, сказала она.

— Вы мните писали?

Он так искренно удивился, что пришлось употребить страшное усилие, чтобы не выдать того, что у него горло сдавили спазмы.

— Я... Вера Александровна, ваши письма... не получал...

— Не получали? Всё как? А я думала, что вы не хотели мнеть отвечать, и меня это очень обидело... очень. Простите!

Замолчали оба, иказалось, что у обоих осталось невысказанным что-то самое главное.

В раскрытыя окна глядела ночь — теплая и темная.

С реки донесся гудок парохода, далекий, заглушенный разстоянием. Часы пробили полночь... Вера и я



В. И. Качалов в роли Анатемы.
...Я князь тымы, я мудрый, я сильный..."

мужчины стали прощаться с хозяевами...

— Меня вы доставьте туда, откуда взяли, обратился он шутя к отезжающим.

— Неужели вы будете и ночью писать этию? засмеялась Вера.

— А после этого снова варьешь преправлять через реку?

Решили прощаться все к реке.

Он опять сидел близко возле Веры. Колеса мягко шуршили по песку. Живая темнота и теплый вечер обвивали лица.

Его рука прикоснулась к ее рукам, и оба призательно сжали друг друга.

Темнота показалась еще темнее и таинственнее, а далекое небо стало еще выше и дальше.

— Вы не откажетесь привезти к нам на днях? — спросила она.

— Благодарю! Если только не уеду отсюда, то привезу к вам!

И опять его рука встретилась с ее рукой.

В темной глади реки трепетно дрожали звезды. Было сыро и свежо.

Где-то, далеко на лугу играл рожок. Донеслось ржанье лошадей...

Скоро будет и разреветь!

До утра, до нового дня...

Товарищи.

— Отец Иван!

— Отец Петр!

— Вот уж можно сказать — встречи...

— Сколько лежит, сколько зимы...

Они стояли друг против друга в

узком и темноватом коридоре монастырского подворья и с восхищением рассматривались один в другого.

— Ну давай, брат, поцелуемся что-ли?

Поцеловались троекратно и громогласно и оба вытерли губы.

— Нет, кто бы мог подумать, что мы с тобой встретимся здесь, в городе. Прямо непостижимо!

— А я, как нарочно, как только вошел в переднюю, сейчас же посмотрел на доску: не записана ли какая знакомая фамилия.

Глядя — священник Благовещенский.

Я сейчас же подумал: уж не Петруха-ли? Ну да и обрадовал же ты меня... Где же ты обитаешь? Въ восьмом, кажется, номере?

— Въ восьмом, въ восьмом!

— А ты занимай девятый — будем соседями. Потом заходи... поговорим. Вот встрети нежданная...

Через некоторое время они сидели уже за самоваром, предварительно выпивали за здоровье друг друга и оживленно беседовали.

О.Петр — приземистый, довольно плотный брюнет с заметной склонностью к ожирению; о.

Иван более высокого роста и потому кажется тощее. Говорить больше о.Петр.

Голос у него мягкий и вкрадчивый.

Видно, что он и сам иногда любуется им. В выражениях его чувствуется некоторая манерность.

Вообще вся фигура его производит впечатление довольства и благополучия. О. Иван выражается медленно, но уверенно, хохочет громко и отрывисто, как в бочку.

— Нет, ты подумай товарищи, на одной скамейке сидели и сколько лежать не только не встречались, но и не слышали ничего другого о друге! изумляется о.Петр.

— Как же: а въ Ведомостях то писали, что ты скучию получил, поправил о. Иван товарища.

— Ты, должно быть, хорошо устроился: шутка-скуфью имел?

— Нельзя сказать скромничает о.Петр: приходь у меня разбросанный. Тяжело очень... Ну и сектанты тоже есть. Сам знаешь: хлопоты с ними. Ну, а ты как живешь?

— Да я что же: плохо живу... Недавно я очень. Приходь у меня бедный, дешевый куча, жена больна. Сколько разъ просил владыку о переводе — все ничего не выходит.

— Что же ты и теперь привезешь просить?

— Думаю просить.

— Так... а не выпить ли нам еще по единой точке, о. Иван?

Упоминание о единой вызвало у о.

Ивана такой возглас, что о Петре даже вздрогнул:

— Ну и голосина у тебя — прямо протодиаконский. Еще гуще стал, чём прежде. Помнишь, как ты, бывало, из окон семинарии извозчиков пугал?

— Го-го-го! залился о. Иван...

Выпили еще.

— Ну, как же твои дела насчетъ места? Просил кого слѣдуетъ?

— Просить то просил, да тут... Думаю теперь идти прямо к владыке. Упаду на колени и буду молить.

Семья у меня... Оскучеши и обижаешь зѣло... А место то мнѣ по всему статьямъ подходит.

— А что, о. Иван: говорятъ, что блаженный Феодоритъ всегда велитъ повторить. Какъ ты думаешь: не пропустить ли намъ еще по единой?

— Можно!

Мирно тянутся бесѣда у товарищей.

Вспомнили прежние годы и затянули.

— Воду прошель... Сначала тихо, а потом все громче и торжественнѣе.

О.Петр заливался теноромъ, а о.

Иванъ вторил ему густой октавой.

Потом еще пили, потомъ целовались и увѣряли другъ друга въечной дружбы.



Мореятъ.
Новый испанский министр-президентъ.

хоронили. Самъ былъ на погребеніи. Величественное и умильное было зрѣлище... а обѣдъ былъ поминальный — одно великолѣпие... Дядей онъ мнѣ доводился двоюроднымъ по женѣ. Мѣсто самое надежное... Только ты смѣтри-никому чтобы... Тебѣ я по дружбе только.

О.Петр опять обидѣлся.

На другой день о. Ивану долго пришлось дожидаться въ приемной у епископа.

— Занятъ! отвѣчалъ келейникъ,

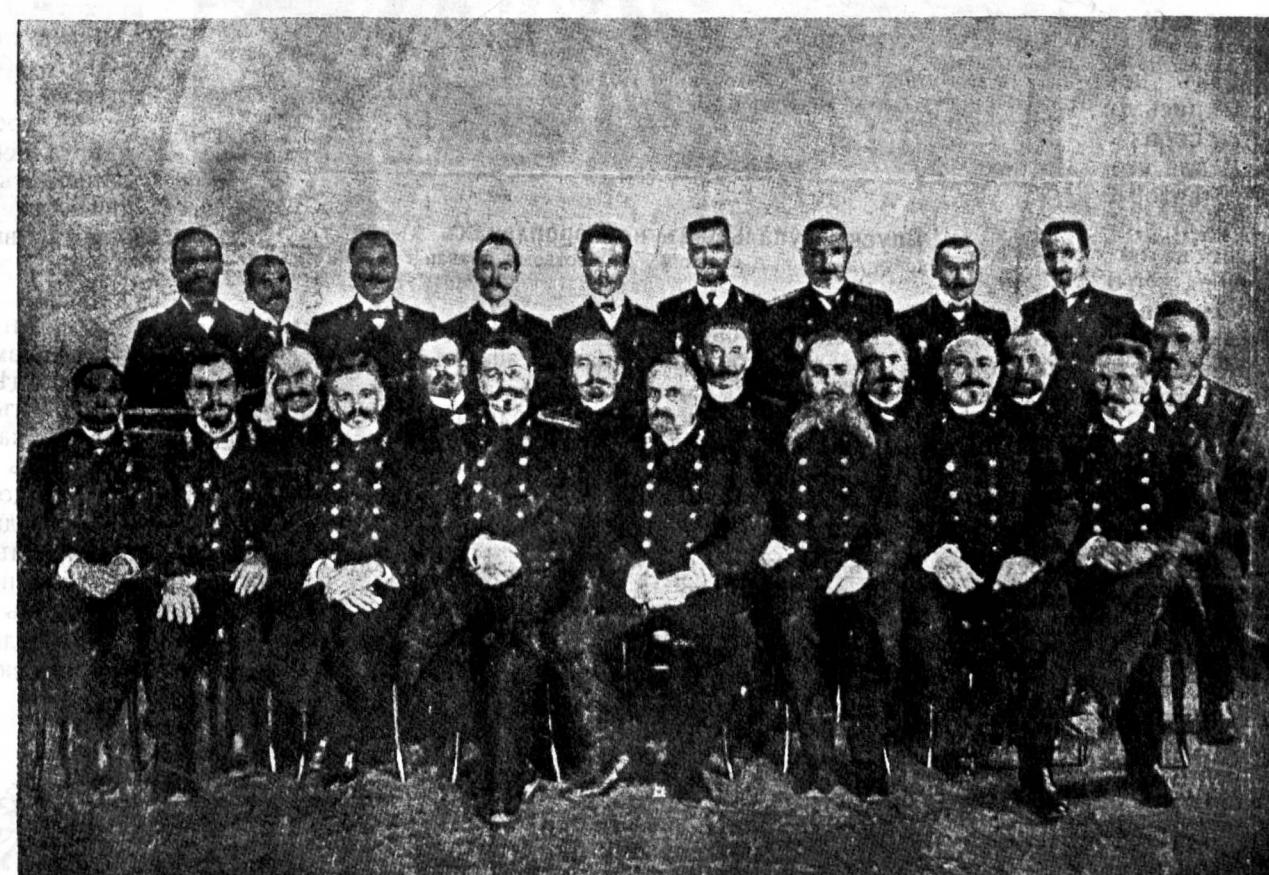
Наконецъ, отворилась дверь, и оттуда вышелъ... о.Петръ.

О.Иванъ раскрылъ даже ротъ отъ удивленія. Хотѣлъ разспросить, но нужно было идти.

Епископъ принялъ его очень привѣтливо, но не успѣлъ онъ еще изложить какъ слѣдуетъ своей просьбы, какъ услышалъ:

— Мѣсто уже сбѣщано о. Петру Благовещенскому.

Т. Ткачевъ



Составъ недавно открытаго окружного суда въ Ростовѣ на Дону.

1-й рядъ (сидят): Члены суда: Ф. Г. Пушкинъ, Н. М. Поповъ, Д. А. Чачиковъ, А. А. Максимовичъ; тов. прокурора А. С. Петровскій; прокуроръ суда П. Ф. Смирновъ; тов. прокурора А. М. Ширяевскій; предсѣдатель суда Р. В. Самсонъ-фонъ-Гиммельштѣрн; тов. прокурора А. И. Поклебинъ; тов. предсѣдателя М. Д. Антоновъ; члены суда: Д. А. Ложкинъ, К. Я. Чудновскій; старший нотариусъ И. А. Бурменскій; члены суда: Н. Д. Байковъ и В. М. Даничъ.

2-й рядъ (стоят): Членъ суда И. И. Серебряковъ; секретарь суда Ф. П. Ковалевъ; членъ суда Б. В. Канатовъ; помощн. секретаря П. П. Скрынниковъ; секретарь суда А. Н. Китайскій; пом. секретаря В. С. Логиновъ; тов. прокурора В. В. Воскресенскій; пом. секретаря Е. Г. Кириченко и сек. прокурора Ф. Б. Чебановъ.

СМѢСЬ.

Памятникъ Адаму.

Только теперь, черезъ много вѣковъ, Адамъ, первый человѣкъ на землѣ, дождался себѣ памятника. Этотъ пробѣлъ въ серии памятниковъ великихъ людей заполнилъ строительный подрядчикъ-изъ подъ Балтийоры, Брэди. Такъ какъ мы не знаемъ, какъ

выглядѣль Адамъ, то Брэди рѣшилъ вмѣсто человѣческой фигуры поставить огромный обелискъ съ солнечными часами на верхушкѣ. Надпись на фундаментѣ обелиска гласитъ: „Sic transit gloria mundi“, другая же указываетъ, кому поставленъ памятникъ. Брэді, когда его спросили объ этомъ памятникѣ, сказалъ: „Не вижу причины, почему бы не почтить Адама памятникомъ. Люди, правда, жалуются на жизнь, но, несмотря на это, всѣ довольны, что живутъ. И вотъ, заслуга Адама въ томъ, что онъ былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя трудную обязанность—быть первымъ человѣкомъ“. Брэди также спросили, не намѣренъ ли онъ поставить памятникъ и Евѣ; Брэди разсердился, заявивъ, что подобная мысль никогда не пришла бы ему въ голову, а почему, не сказалъ.

Жоржъ Бизе о судьбѣ искусства.

Matin опубликовалъ неизвѣстное доселѣ письмо Бизе къ одному изъ своихъ друзей, любопытное для его характеристики, гдѣ авторъ „Карменъ“ съ грустной покорностью выражаетъ парадоксальную мысль, что искусство отживаетъ свой вѣкъ, что оно падаетъ съ успѣхами разума, который разрушаетъ прежнія грэзы, а съ ними и страсти, вдохновлявшія старыхъ великихъ писателей, художниковъ и музыкантовъ. |

Я увѣренъ,—пишетъ Бизе,—что будущее усовершенствуетъ наши соціальные отношенія. Общество улучшится, не будетъ ни несправедливостей, ни недовольныхъ, ни заговоровъ противъ общественного порядка, ни поповъ, ни жандармовъ, ни преступлений, ни адюльтеровъ, ни проституціи, ни живыхъ эмоцій, ни страстей. Не будетъ больше музыки, поэзіи, Попетнаго легіона, печати (вотъ это, напримѣръ, очень хорошо), театра. Не будетъ заблужденій, а также и искусства. Къ чорту и его,—вотъ ваше дѣло. Но, несчастные, вашъ прогрессъ, неизбѣжный, неумолимый, убиваетъ искусство. Бѣдное мое искусство! Я увѣренъ въ этомъ. Общества, наиболѣе зараженные суевѣремъ, были великими двигателями въ сферѣ искусства: Египетъ со своей архитектурой,

Спускъ купальщицъ на аэропланахъ въ воду.
Спортъ введеній дамскимъ Обществомъ плаванія въ Англіи.

Греція со своей пластикой, Возрожденіе, такие безумцы, какъ Рафаэль, Фидій, Моцартъ, Бетховенъ, Веронезъ, Веберъ, фантастика, адъ, рай, призраки, привидѣнія—вотъ область искусства. Ахъ, докажите мнѣ, что у насъ будетъ искусство разума, истины, точности, и я перейду въ вашъ лагерь съ оружіемъ и пожитками. Но я ишу и вижу только... Роланда въ Ронсевальской долинѣ! Какъ музыкантъ, я объявляю вамъ, что если вы уничтожите адюльтеръ, фанатизмъ, преступность, заблужденія, сверхъестественное, то не будетъ никакой возможности написать хоть одну ноту...

Въ итогѣ искусство падаетъ по мѣрѣ того, какъ торжествуетъ разумъ. Вы не вѣрите, однако эта правда. Создайте мнѣ сегодняшняго Гомера, сегодняшняго Данте! Но какъ? Воображеніе имѣетъ свои химеры, свои видѣнія. Вы уничтожаете химеры, и тогда прощай воображеніе. Нѣтъ больше искусства! Знаніе повсюду! Если вы мнѣ на это скажете: да

что же тутъ худого,—я отсту-
паю, больше не спорю,
потому что вы вполнѣ правы.
Но все равно, это потеря,
это большая потеря.

Самопроизвольное зарожденіе,

Есть ученый Кукукъ (былъ, кромѣ того, съ такою фамилиею знаменитый художникъ). Этотъ Кукукъ—послѣдователь знаменитаго Геккеля, и онъ не только защищаетъ въ своей новой и любопытной книжѣ, вышедшей на дняхъ въ Лейпцигѣ, „Die Lsung des Problems der Urzergung“ гипотезу самопроизвольного зарожденія, но и думаетъ, что даже и въ наши дни постоянно рождаются организмы, образуясь изъ грубой матеріи. Онъ старался возсоздать изъ всевозможнѣйшихъ веществъ живые организмы, смѣшивая соль барія съ желатиною, съ пептонами, съ аспарагиномъ и морскою водой, и у него получались крохотныя тѣльца, которыя, дѣйствительно, походили до полнаго обмана на настоящія клѣточки, такъ и они пытались, росли, размножались и двигались, наконецъ соединялись въ колоніи и образовывали нѣкоторымъ образомъ высшіе организмы. Кукукъ производить параллель между своими искусственными крохотными гомункулами и живыми организмами, существующими въ природѣ, и указываетъ своимъ гомункуламъ мѣсто въ естественной классификації. Однимъ словомъ, хотя Пастеръ въ своемъ знаменитомъ спорѣ и доказалъ, какъ думали, разъ навсегда, что не можетъ быть самопроизвольного зарожденія, но, по всей вѣроятности, мысль человѣческая на этомъ не успокоится, и идея Геккеля всегда будетъ соблазнять ученыхъ своею величавостью и загадочностью.

